

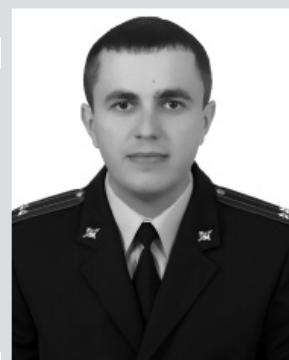
УДК 340.131.5

DOI: <https://doi.org/10.18454/VEPS.2017.1.5509>

Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации: проблемы правовой регламентации и практика применения

Новопавловская Е.Е.

Кандидат юридических наук,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина

Переверзев Е.А.

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина,
подполковник полиции

В статье исследуется правовая регламентации и сущность особого мнения судьи Конституционного Суда РФ, излагаемого при несогласии судьи в целом или с отдельными положениями мотивированной части решения, выносимого Судом. Проведенный мониторинг практики конституционного судопроизводства по наиболее актуальным и резонансным делам, в которых судьи Конституционного Суда РФ излагали свои особые мнения, позволил авторам выявить особенности правовой природы исследуемого института, а также проблемы его регламентации и реализации.

Ключевые слова: конституционное судопроизводство, судья, независимость судей, особое мнение, правовая позиция, решение.

Согласно ст. 5 Федерального Конституционного закона от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014 г.) «О судебной системе Российской Федерации», судьи, участвующие в осуществлении правосудия, независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и закону. При этом гарантией внутренней независимости судьи выступает прежде всего его право на выражение своего особого мнения при несогласии с мнением большинства судей при коллегиальном рассмотрении дела.

Ст. 76 Федерального Конституционного закона от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 28.12.2016 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации» наделяет судью Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ), который не согласен с решением КС РФ правом в письменном виде изложить свое особое мнение. Судья КС РФ, который

голосовал за принятие постановление или заключение по существу рассматриваемого вопроса, но остался в меньшинстве при голосовании по иному вопросу либо по мотивировке принятого решения, вправе изложить в письменном виде свое мнение о несогласии с большинством судей. Особое мнение судьи КС РФ подлежит приобщению к материалам дела и опубликованию в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации» вместе с самим решением КС РФ.

Обратим внимание, что в настоящее время, данное право судьи получило свое законодательное закрепление во всех процессуальных кодексах Российской Федерации и его реализация возможна не только в рамках конституционного судопроизводства. Поэтому на современном этапе развития юридической науки исследование содержания и правовых последствий права судьи на особое мне-

ние представляет научных интерес специалистов различных отраслей российского права [1-6].

Как справедливо отмечает Н.В. Витрук, особое мнение суды представляет собой официально выраженное судьей мнение, которое не совпадает с позицией большинства судей относительно постановляющих выводов решения или их обоснования [7, с. 436].

Анализ решений КС РФ, в которых суды излагали свои особые мнения, позволяет выявить определенные закономерности и сделать следующие выводы.

Во-первых, в таких решениях КС РФ отраслевая принадлежность норм, конституционность которых оспаривалась заявителями, была весьма разнообразна. В частности, предмет рассмотрения в порядке конституционного судопроизводства составляли нормы конституционного (Постановление КС РФ от 19.04.2016 г. № 12-П, Постановление КС РФ от 15.04.2014 г. № 11-П), муниципального (Постановление КС РФ от 26.04.2016 г. № 13-П, Постановление КС РФ от 01.12.2015 г. № 30-П), жилищного (Постановление КС РФ от 24.03.2015 г. № 5-П), налогового (Постановление КС РФ от 31.03.2015 г. № 6-П), уголовного (Постановление КС РФ от 11.12.2014 г. № 32-П), гражданского процессуального (Постановление КС РФ от 20.10.2015 г. № 27-П), уголовного процессуального права (Постановление КС РФ от 16.07.2015 г. № 23-П, Постановление КС РФ от 11.11.2014 г. № 28-П) и др.

Во-вторых, соответственно, различными были и сферы общественных отношений, конституционность регламентации которых проверялась КС РФ. Сюда входили вопросы:

– касающиеся особенностей имплементации норм международного права и решений Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) в российскую правовую систему. В этой связи уместно вспомнить ряд правовых позиций ЕСПЧ и КС РФ, сформулированных в разные годы по вопросам избирательного права и процесса. В частности, в Постановлении от 10.10.2013 г. № 20-П КС РФ признал неконституционность норм Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об основных гарантиях...»), устанавливающих бессрочное и недифференцированное ограничение пассивного избирательного права и констатировал необходимость незамедлительного проведения корректировок избирательного законодательства в части установления процессуальных гарантит, призванных обеспечить возможность восстановления пассивного избирательного права граждан, судимость которых снята или погашена. Реакция федерального законодателя не заставила долго себя ждать. Федеральным законом от 21 февраля 2014 г. подп. «а» п. 3.2 ст. 4 ФЗ «Об основных гарантиях...» был изложен в иной

редакции, установившей, что ограничению пассивного избирательного права подлежит гражданин, который был осужден к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений и который имеет на день голосования «неснятую и непогашенную судимость за указанные преступления». При этом с названной выше даты в законе содержится и указание на определенные сроки со дня снятия или погашения судимости, которые зависят от категории преступления.

Вопросы регулирования права избирать и быть избранными составили предмет рассмотрения и в Постановлении КС РФ от 19.04.2016 г. № 12-П, вынесенному по нашумевшему делу «Анчугов и Гладков против России» (жалоба № 11157/04, 15162/05), с содержанием которого были не в полной мере согласны отдельные судьи. Поводом к рассмотрению данного дела стал запрос Министерства юстиции Российской Федерации, поставивший под сомнение возможность исполнения, в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Постановления ЕСПЧ от 04.07.2013 г. Суть спора состояла в том, что граждане нашей страны высказали неудовлетворенность нормами российского избирательного законодательства (подп. «а» п. 3.2 ст. 4 ФЗ «Об основных гарантиях...») в части, устанавливающей ограничения пассивного избирательного права осужденных лиц, содержащихся под стражей. ЕСПЧ разделил позиции заявителей, констатировав факты нарушения требований ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Подобного рода решения ранее имели место в практике ЕСПЧ и в отношении других стран, например, против Соединенного Королевства – Постановление ЕСПЧ от 06.10.2005 г. (дело «Хирст против Соединенного Королевства» – жалоба № 74025/01), Постановление ЕСПЧ от 23.11.2010 г. (дело «Гринс и М.Т. против Соединенного Королевства» (жалобы № 60041/08 и 60054/08) и др.

Однако ранее в Постановлении от 14.07.2015 г. № 21-П КС РФ уже указывал на то обстоятельство, что если вынесенное по жалобе против России Постановление ЕСПЧ, базирующееся на толковании положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, приводит к противоречию с российскими конституционно-правовыми нормами, то оно «не может быть исполнено». Более того, с 2015 г. в ч. 2 ст. 106 Федерального Конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» в редакции (ред. от 14.12.2015 г.) появилась принципиально новая по своему содержанию норма, определяющая порядок рассмотрения КС РФ дел о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека. С указанного периода ч. 2 ст. 106 предусматривает правило, согласно которого «толкование положений Конституции Российской Федерации, устраниющее

неопределенность в их понимании с учетом выявившегося противоречия между положениями международного договора Российской Федерации в истолковании, данном межгосударственным органом по защите прав и свобод человека, и положениями Конституции Российской Федерации в смысле невозможности исполнения соответствующего решения межгосударственного органа без нарушения этих положений Конституции Российской Федерации, означает, что какие-либо действия (акты), направленные на исполнение соответствующего решения межгосударственного органа, в Российской Федерации не могут осуществляться (приниматься)».

Мнение КС РФ, изложенное в Постановлении КС РФ от 19.04.2016 г. № 12-П по делу «Анчугов и Гладков против России» разделили не все судьи. Так, судья В.Г. Ярославцев посчитал возможным исполнение исследуемого постановления ЕСПЧ, но только в части мер общего характера. Судья М.С. Казанцев отметил, что КС РФ не исключает возможность распространительного толкования положений ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации, а также признает, что если такое толкование допустимо для случаев, когда законодатель ограничивает избирательные права граждан, то из смысла тем более это возможно и для случаев, когда речь идет о расширении таких прав (Постановление КС РФ от 19.04.2016 г. № 12-П);

— регулирования состава и структуры органов местного самоуправления отдельных муниципальных образований, например, порядка приведения в соответствие устава муниципального образования в случаях принятия закона субъекта Российской Федерации, изменяющего порядок формирования или избрания представительного органа муниципального района, городского округа с внутригородским делением, а также изменяющего порядок избрания главы муниципального образования. Признав конституционность исследуемых положений Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ч.ч. 4, 5 и 5.1 ст. 35, ч.ч. 2 и 3.1 ст. 36), КС РФ отметил, что подобное регулирование направлено на обеспечение сбалансированной реализации государственных и местных интересов в условиях сложившихся территориальной организации местного самоуправления и разграничения полномочий органов публичной власти, связанных с социально-экономическим развитием соответствующих территорий (Постановление КС РФ от 01.12.2015 г. № 30-П). Однако с позицией КС РФ не согласился судья А.Н. Кокотов, акцентировав внимание, что на федеральном уровне установлено, что законом субъекта Российской Федерации могут быть определены способы избрания глав муниципальных образований. Однако не исключена возможность введения модели, при которой для конкретных муниципальных образований фиксируется

единственный и безальтернативный способ избрания его главы. Такая норма регионального законодательства должна быть продублирована и в уставе муниципального образования. Полагаем, что в этом случае говорить о самостоятельности муниципального образования не приходится, поскольку, как замечает А.Н. Кокотов, такой «выбор способа избрания главы в уставе муниципального образования превращается в формальность». Субъекты Федерации фактически получают «действенное средство влияния на подбор глав муниципальных районов и городских округов». Указал А.Н. Кокотов и на то, что было бы разумно допущение федеральным законодателем введения субъектами Российской Федерации дополнительных по отношению к федеральным вариантов организации аппарата муниципальной власти с учетом их национально-культурных, исторических, иных особенностей и др.

В-третьих, поводом для начала разбирательства дела в КС РФ выступали, как мы уже могли заметить из ранее сказанного, не только запросы, но и жалобы граждан и их объединений. А, следовательно, судьи КС РФ, излагающие особые мнения, нередко фактически вставали на сторону заявителей, выступая в роли их незримого защитника. Например, подобный факт имел место при вынесении Постановления КС РФ от 24.03.2015 г. № 5-П, в котором оценке конституционности подвергались отдельные положения Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» (ст. 19) и Жилищного кодекса Российской Федерации (ст. 31). Названные законоположения фиксируют особенности прекращения пользования жилым помещением бывшим членом семьи собственника с определенной оговоркой, согласно которой общее требование жилищного законодательства не распространяется на бывших членов семьи собственника приватизированного жилого помещения при условии, что в момент приватизации данного жилого помещения указанные лица имели равные права пользования этим помещением с лицом, его приватизировавшим. Подобного рода исключение из общего правила вовсе не случайно и направлено, как не один раз подчеркивал КС РФ, на обеспечение гарантированности жилищных прав граждан — бывших членов семьи собственника приватизированного жилого помещения (Определения КС РФ от 22.01.2014 г. № 18-О, от 23.10.2014 г. № 2332-О). Заявитель в своей конституционной жалобе указал на то, что спорная ситуация на практике усугублялась фактом обращения взыскания на данное жилое помещение как на заложенное имущество и его реализации с публичных торгов. КС РФ констатировал неконституционность исследуемых законоположений и наличие проблем правового регулирования в части недоработки механизма, призванного обеспечить баланс соблюдения прав и законных интересов

членов семьи прежнего собственника отчуждаемого жилого помещения и собственника (приобретателя) данного жилого помещения. В этой связи КС РФ указал на необходимость внести соответствующие дополнения в действующее правовое регулирование исследуемых вопросов.

Судья Г.А. Гаджиев, соглашаясь с итоговыми выводами КС РФ, посчитал необходимым изложить свое особое мнение относительно содержания мотивированной части решения КС РФ. По мнению Г.А. Гаджиева, требовалось дать отдельные пояснения относительно перечня лиц, являющихся членами семьи прежнего собственника, указав в частности, что только лица, указанные в ордере в качестве членов семьи нанимателя жилого помещения в домах жилищно-строительного кооператива, при вселении в предоставленное жилое помещение приобретают равное с нанимателем право пользования жилым помещением.

Как мы могли наглядно про наблюдать, применяется данное право судьями КС РФ достаточно активно. В этой связи возникает весьма закономерный вопрос о том, каковы же последствия особого мнения судьи. Сразу заметим, что законодатель их не указывает, что создает благоприятную почву для научных дискуссий. Так, В.М. Лебедев, рассуждая о сущности особого мнения судей в рамках различных видов судопроизводства, отмечает, что оно не является ни поводом для возбуждения производства в судах вышестоящих инстанций, ни предметом для его рассмотрения ими [8, с. 548]. Относительно правовых последствий особого мнения судьи высказывался и сам КС РФ. Его правовые позиции относительно данного вопроса тезисно выглядят следующим образом: а) особое мнение судьи не является самостоятельным актом; б) в особом мнении не определяются права и обязанности участников различного вида судопроизводства; в) оно не влечет для них каких-либо процессуальных последствий (Определение КС РФ от 17.01.2012 г. № 174-О-О). Сказанное дает основание констатировать, что особое мнение не является общеобязательным и не влечет соответствующих правовых последствий.

Мы разделяем точку зрения авторов, согласно которой вышеназванное отношение законодателя и КС РФ к особому мнению судьи трудно признать оправданным [например, см.: 9, с. 48-50]. Конституционный Суд – это «суд права, в котором лучшие юристы страны призваны самостоятельно задавать стандарт правовых решений, эталонных по своему качеству» [10, с. 172-173]. Очевидно, что если профессиональный судья считает необходимым не согласиться с мнением коллег, то, по всей видимости, можно вести речь о том, что в деле имеются существенные моменты, которые требуют проверки и оценки, а возможно, и корректировки.

С учетом того, что судьи КС РФ являются общепризнанными в государстве профессионалами высочайшего класса, особое мнение отдельного судьи – это не только другой взгляд на рассматриваемое дело, но и иная весомая (значимая) правовая позиция, которая при ее должной оценке, с учетом того, что правовые позиции могут меняться, может быть заложена в основу нового правового регулирования рассматриваемых общественных отношений в будущем.

В этой связи важно подчеркнуть то, что судьи КС РФ не связаны законом, как, например, в других видах судопроизводства, и полностью полагаются при принятии решения только на Конституцию и свои знания о праве. Как справедливо подчеркивает Е.В. Дриго, особое мнение конституционного судьи – не только другой взгляд на судебное дело, это – иная правовая позиция, иное представление о праве [см. подробнее: 11, с. 79-93].

Думается, что, выражая свое особое мнение, в качестве требования к нему должна выступать высокая степень его аргументации, не уступающая основному решению. Только в таком случае можно будет вести речь о том, что особое мнение окажет воздействие на решение суда либо на правоприменимую практику. Однако подобное воздействие всегда будет косвенным, поскольку, как отмечено выше, оно может лечь в основу нового решения спустя время после того, как было вынесено основное судебное решение. Оставление без должной оценки особого мнения судьи КС РФ, как представляется, может повлиять на качество принимаемого решения в целом. Поэтому полагаем, что с учетом значимости данного вопроса подобная недоработка должна найти свое законодательное разрешение.

Литература:

1. Алябышев М.С. Особое мнение судьи – пора поставить точку // Российский судья. – 2016. – № 2. – С. 37-41.
2. Быков В.М., Манова Н.С. О праве судьи на особое мнение: продолжение темы // Российский судья. – 2016. – № 3. – С. 45-48.
3. Некрасов С.Ю. Судейское усмотрение как обязанность судьи // Российский судья. – 2016. – № 11. – С. 51-55.
4. Скларенко М.В. Проверка и пересмотр судебных решений, апелляция, кассация, надзор, Конституционный Суд РФ: анализируем этапы формирования судебного усмотрения // Уголовное судопроизводство. – 2015. – № 2. – С. 42-46.

5. Соболев О.В. Административное и судебное усмотрение: сущность и области применения // Арбитражный и гражданский процесс. – 2016. – № 12. – С. 3-7.
6. Ултургашев П.Ю. Особые мнения судей в сравнительно-правовом контексте // Сравнительное конституционное обозрение. – 2013. – № 6. – С. 75-87.
7. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: учеб. пособие. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2012. – 592 с.
8. Практика применения уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева. – М.: Юрайт, 2013. – 824 с.
9. Быков В.М., Манова Н.С. Особое мнение судьи: закон новый, а проблемы старые // Российская юстиция. – 2014. – № 1. – С. 48-50.
10. Евсеев А.П. Психология конституционного судопроизводства. – Харьков: Юрайт, 2013. – 232 с.
11. Дриго Е.В. Институт особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации: регулирование и практика применения // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 3. – С. 79-93.

Dissenting Opinion of the Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation: Problems of Legal Regulation and Practical Application

*E.E. Novopavlovskaya, E.A. Pereverzev
Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation
named after I.D. Putilin*

The article explores the legal regulation and the essence of the dissenting opinion of the judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, stated with the disagreement of the judge as a whole or with separate provisions of the reasoning part of the decision rendered by the Court. The conducted monitoring of the practice of constitutional legal proceedings in the most urgent and resonant cases in which the judges of the Constitutional Court of the Russian Federation presented their dissenting opinions allowed the authors to reveal the peculiarities of the legal nature of the institution under study, as well as the problems of its regulation and implementation.

Key words: constitutional legal proceedings, judge, independence of judges, dissenting opinion, legal position, decision.
